

МАТИ ХИНТ (Таллин)

СОЗДАНИЕ МОРФОФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ МОРФОЛОГИИ ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА

0. Классик дескриптивной лингвистики Л. Блумфилд в своем основном труде «Language» подчеркнул, что при описании языка научную релевантность имеет только одного вида транскрипция, а именно фонологическая, являющаяся, таким образом, единственной надежной основой и для описания морфологии. При этом Л. Блумфилд даже не допускал мысли о возможности наличия нескольких фонологических транскрипций, в равной мере обоснованных. При описании всей языковой системы, по его мнению, принять во внимание можно только одну научно обоснованную транскрипцию.¹ Столь строгую позицию в отношении транскрипции для описания морфологии некоторые авторы отстаивали и позже, даже в 1950-е годы.²

При дальнейшем развитии дескриптивная лингвистика начала как использовать морфофонемы при описании морфологии³, так и модифицировать фонологическую транскрипцию с учетом нужд описания морфологии. Последняя возможность связана с тем обстоятельством, что существует более одной адекватной, основанной на фонологическом анализе фонологической транскрипции: любая неединственным способом решаемая фонологическая проблема делает возможным существование нескольких фонологических транскрипций, которые посредством автоматических фонологических правил переписывания взаимно модифицируются одна в другую. Однако нет оснований говорить о морфофонологической транскрипции, пока такой более эластичный подход к проблеме транскрипции для описания морфологии ограничивается выбором одной конкретной фонологической транскрипции.⁴

¹ L. Bloomfield, *Language*, New York 1933, стр. 85. На русском языке Л. Блумфилд, *Язык*, Москва 1968, стр. 83.

² См., напр., В. Bloch, G. L. Trager, *Outline of Linguistic Analysis*, Baltimore 1942, стр. 53; G. L. Trager, *French Morphology: Verb Inflection*. — *Language* 31 1955, стр. 511.

³ Морфофонологическая транскрипция была использована американской школой еще в 1930-е годы, см., напр., M. Swadesh, C. F. Voegelin, *A Problem in Phonological Alternation*. — *Language* 15 1939, стр. 1—10. Одним из первых эту технику применил Л. Блумфилд, см. L. Bloomfield, *Menomini Morphophonemics*. — *Travaux du Cercle Linguistique de Prague VIII 1939*, стр. 105—115.

⁴ См., напр., Ch. F. Hockett, *Problems of Morphemic Analysis*. — *Language* 23 1947, стр. 324. Проблемы фонологической транскрипции в связи с нуждами описания эстонской морфологии см. V. Hallap, *Fonoloogiline etüüd eesti keele vâldete alalt*. — *Nonaginta (=Emakeele Seltsi toimetised, nr. 6)*, Tallinn 1963, стр. 95—122. При этом В. Халлап придерживается мнения, что морфологию необходимо описывать на базе одной конкретной фонологической транскрипции, выбор которой в значительной мере зависит от потребностей описания морфологии.

С морфофонологической транскрипцией мы имеем дело всякий раз, как только к фонологической транскрипции добавляем морфологическую информацию, т. е. когда при описании морфологии применяем символы, которыми в фонологической транскрипции не пользуются или же пользуются в ином значении и которые только после применения морфофонических или автоматических фонологических правил приобретают значение символов обычной фонологической транскрипции.⁵

С морфофонологической транскрипцией мы имеем дело и в тех случаях, когда при описании морфологии употребляется более одной фонологической транскрипции, при этом они модифицируются одна в другую посредством автоматических фонологических правил. В таком случае каждый морфофонический тип описывается с помощью фонологической транскрипции, наиболее подходящей именно для данного типа, что в свою очередь дает возможность элиминировать из описания обусловленные транскрипцией внешние морфофонологические чередования, которые внутренне не присущи этому морфофоническому типу.⁶

Ниже будет показано, каким образом целесообразно сконструировать морфофонологическую транскрипцию для описания морфологии эстонского языка, применяя именно такой способ, который по своему существу учитывает условие, предьявленное транскрипции генеративной грамматикой, как это сформулировал М. Халле: «Особое внимание следует обратить на фонологическую запись отдельных морфем. Эту запись нужно выбирать так, чтобы получить простые правила всех грамматических операций, в которых могут участвовать морфемы (например, словоизменение и словопроизводство)».⁷

1. Из вопросов фонологии эстонского языка большое внимание уделялось фонологии третьей степени долготы и фонологической транскрипции третьей степени. Прежде всего это касается области консонантизма, где из-за асимметричности фонологической системы гораздо больше нерешенных проблем, чем в области вокализма.⁸

Поскольку чередование степеней долготы — весьма важный морфофонический процесс, способ транскрипции степеней долготы имеет большое значение и для транскрипции, использованной при описании морфологии.

В области вокализма фонологическая трактовка и фонологическая транскрипция третьей степени долготы не представляют особых трудностей. При описании чередования степеней долготы как морфофонического процесса целесообразно исходить из общепризнанной фонологической концепции, согласно которой как при долгих гласных, так и при дифтонгах вторая степень долготы является последователь-

⁵ Представители дескриптивной лингвистики неоднократно отмечали допустимость модифицирования фонологической транскрипции при описании морфологии именно в пределах автоматических (фонологически дефинируемых) морфофонических чередований. См., напр., Ch. F. Hockett, Problems in Morphemic Analysis, стр. 325, 341 и сл.; V. Bloch, Studies in Colloquial Japanese IV. — Language 26 1950, стр. 122—124.

⁶ Термин *внешнее морфофонологическое чередование* (external morphophonemics) взят из статьи Ch. F. Hockett, Potawatomi I. Phonemics, Morphophonemics, and Morphological Survey. — International Journal of American Linguistics XIV 1948, стр. 2.

⁷ M. Halle, The Sound Pattern of Russian. A Linguistic and Acoustical Investigation, 's-Gravenhage 1959, стр. 24. На русском языке см. М. Халле, Фонологическая система русского языка. — Новое в лингвистике, вып. 2. Москва 1962, стр. 307.

⁸ См., напр., V. Hallar, Fonoloogiline etüüd cesti keele vältete alalt; M. Hint, On the Phonological Transcription of Overlength in Standard Estonian. — СФУ II. 1966, стр. 23—36.

ностью двух гласных фонем, а третья — последовательностью двух гласных фонем, к которой присоединяется сверхсегментная фонема-показатель (marker phoneme) третьей степени долготы (так что сущность явления третьей степени рассматривается как атрибут целой последовательности фонем, а не одного ее компонента; при этом не важен способ записи этой фонемы-показателя, ее можно записать перед последовательностью фонем, над ней, над одним из ее компонентов и т. д.; в приведенных ниже примерах фонема-показатель третьей степени /ʃ/ пишется перед слогом третьей степени долготы).

Чередование степеней долготы как способ различения морфологических форм в такой транскрипции получает удовлетворительное выражение:

Вторая степень долготы:

генитив

/kaalu/, /laulu/

номинатив

/luule/, /häire/

Третья степень долготы:

партитив

/kaalu/, /laulu/

генитив

/luule/, /häire/

В области консонантизма вторая степень долготы толкуется или как согласный-гемината, или как последовательность двух—трех однократных (коротких) согласных, или же как последовательность однократного согласного и короткой геминаты: /vurri/, /rakku/, /kurna/, /kirstu/, /portte/ и т. д. В случае согласных-геминат можно третью степень долготы толковать как последовательность двух согласных, к которой присоединяется сверхсегментная фонема-показатель третьей степени долготы. Подобная параллельная трактовка, которую мы имеем в области вокализма, удобна и при описании морфологии.

Вторая степень долготы:

генитив

/vurri/, /rakku/

номинатив

/hüppe/, /katte/

Третья степень долготы:

партитив

/vurri/, /rakku/

генитив

/hüppe/, /katte/

Итак, до сих пор различие между второй и третьей степенями долготы могло рассматриваться как отсутствие сверхсегментной фонемы-показателя третьей степени долготы или же ее наличие над последовательностью фонем. Однако в области консонантизма в целом такое решение неадекватно, так как явление третьей степени долготы в общем не может трактоваться как присоединение сверхсегментной фонемы-показателя третьей степени к последовательности согласных второй степени долготы. С фонологической точки зрения, явление третьей степени связано не с целым сочетанием согласных, а с первым или вторым звуком сочетания согласных. На это указывают количественные фонологические контрасты

[VR̥K*] — [VR̥K̥*],

где R — звонкий согласный, а K* — взрывной или сибиллянт. Эти контрасты встречаются в разных окружениях, даже перед глухим согласным, ср.:

[koɪv] — [toɪt]

[koɪdi] — [toɪtti]

[koɪɲne] — [koɪlli]

[koɪɲze] — [koɪɲse]

Если в таких случаях третью степень долготы связать со всем сочетанием согласных, то в фонологически транскрибированной последовательности согласных фонем приходится фонетически более интенсивный согласный по меньшей мере одного члена контрастной пары транскрибировать в двойном виде:

*/'kɔrt/ — /'tɔrtt/
/'kɔrti/ — /'tɔrtti/
/'kɔrtne/ — /'kɔrttli/
/'kɔrtse/ — /'kɔrttse/*

Но можно предложить и другой способ: транскрибировать интенсивный согласный обоих членов контрастной пары в двойном виде:

*/'kɔrrt/ — /'tɔrrt/
/'kɔrrti/ — /'tɔrrti/*

и т. д.

Только в транскрибированных такими способами последовательно-стях согласных фонем можно считать, что фонема-показатель третьей степени принадлежит всей последовательности согласных фонем (и записать ее в любом месте, поскольку правильное произношение обеспечивается двойным написанием фонетически более интенсивного согласного и простым наличием показателя третьей степени). В то же время такая двойная запись интенсивного согласного позволяет толковать третью степень в консонантизме как явление, связанное с единичным согласным, а не с сочетанием согласных.

Аналогичные контрасты в первых подакцентных слогах с долгим гласным приходится фонемизировать так же:

$[V_1\dot{V}_2K^*] — [V_1V_2\dot{K}^*]$ и $[\hat{V}K^*] — [\hat{V}\dot{K}^*]$, где

$[\dot{R}]$ предыдущей формулы заменен второй частью сверхдолгого гласного элемента $V_1\dot{V}_2$ или \hat{V} и $[R]$ предыдущей формулы заменен второй частью гласного элемента в случаях V_1V_2 или \hat{V} :

*[laùv] — [laut] и [liò] — [pìk]
[laùva] — [lautta] и [liòa] — [pìkki]
[laùvne] — [nauttle] и [liòne] — [likkva]
[laùvze] — [lauttsil] и [liòze] — [pìkse]*

Эти контрасты необходимо должны быть фонемизированы как

*/'laut/ — /'lautt/ и /'liik/ — /'piikk/
/'lauta/ — /'loutta/ и /'liika/ — /'piikki/
/'lautne/ — /'nauttle/ и /'liikne/ — /'liikkva/
/'lautse/ — /'louttsil/ и /'liikse/ — /'piikkse/*

Итак, фонология третьей степени долготы в вокализме и консонантизме не симметрична: в определенных случаях при фонемизировании интенсивного звука сочетания согласных такой интенсивный согласный следует передавать в двойном виде, только так можно обеспечить правильную передачу фонологических контрастов и автоматическое связывание фонемы-показателя третьей степени с фонологическим эквивалентом интенсивного согласного. При соблюдении последнего условия явление третьей степени можно считать атрибутом всей последовательности консонантных фо-

нем. Между тем двойная запись консонантных фонем позволяет полагать, что в области консонантизма третья степень долготы — это атрибут одного конкретного согласного.

Таким образом, в области консонантизма возможны эти две принципиально различные фонологические концепции третьей степени долготы. Эти различные фонологические концепции реализуются и разными фонологическими транскрипциями.

До сих пор предложены различные схемы транскрибирования третьей степени долготы, которые можно обосновать путем фонологического анализа. От чутья системности фонолога зависит, пишется ли интенсивный согласный третьей степени в фонологической транскрипции как одна или же как две фонемы там, где носителем третьей степени всегда является первый согласный, как при сочетаниях согласных $[\dot{K}_1 * K_2 *]$, $[\dot{K} * R]$ и $[\dot{R}_1 R_2]$ (в таких словах как $[akt]$, $[latv]$, $[varn]$). В первом случае заранее принимается, что в фонологической транскрипции интенсивный начальный компонент сочетания согласных после короткого ядра слога никогда не передается в двойном виде (или передается только при известных типах сочетаний), а при наличии третьей степени фонема-показатель всегда принадлежит первому согласному, если не следуют двойным знаком выписанные согласные фонемы. В конце слова после короткого ядра слога отдельный интенсивный согласный звук можно в фонологической транскрипции передавать одной или двумя фонемами (вместе с фонемой-показателем третьей степени или даже без нее, так как односложные слова всегда имеют третью степень долготы).

Разнообразие таких возможностей не мешает, потому что все последовательные транскрипции можно довольно легко видоизменять: при помощи простых автоматических (фонологических) правил они модифицируются одна в другую. Однако такое положение послужило почвой для рассуждения о пригодности той или иной транскрипции для описания морфологии.⁹

2. Ниже приводится ряд схем по фонологической транскрипции третьей степени долготы в области консонантизма. Некоторые из этих схем нашли применение, некоторые рекомендованы для применения при описании морфологии. Здесь же указаны преимущества или недостатки этих схем для описания отдельных подсистем морфологии. На основе этих схем транскрипции сравниваются описания трех различных морфонологических процессов: словоизменения в словах с чередованием ступеней (с чередованием степеней долготы), словоизменения в словах без чередования ступеней и словопроизводства путем присоединения производных суффиксов к форме номинатива. Символы этих схем имеют следующие значения: С — согласный, V — гласный, К — взрывной ($/k t t' p/$), S — сибилант ($/s s'/$) и $/h/$, К* — взрывной или сибилант, R — звонкий согласный ($/r l l' n n' m v j/$); # обозначает конец слова, + — начало слова под главным ударением. (В транскрипции Р. Т. Хармса — см. 2.3. — $/h/$ принадлежит вместе со звонкими согласными к одному классу транскрипции).

2.1. В схеме транскрипции М. Хинта (табл. 1), исходящей из одиначного согласного как носителя третьей степени, согласные третьей степени не распределены по разным транскрипционным классам; интен-

⁹ См., напр., V. Hallap, *Fonoloogiline etüüd eesti keele vädete alalt*.

сивные согласные всегда во всех окружениях пишутся в фонологической транскрипции двойными.¹⁰

Таблица 1

Фонологическое окружение	Взрывные	Сибиллянты и /h/	Звонкие согласные
(C)V—	+ 'rakku #/	+ 'mässu #/	+ 'sammu #/
—#	+ 'rakk #/	+ 'mäss #/	+ 'samm #/
—R	+ 'rakkne #/*	+ 'kassvu #/	+ 'parrmu #/
—K*	+ 'rakkse #/	+ 'kässku #/	+ 'varrsi #/
(C)VV—	+ 'põikku #/	+ 'kaussi #/	
—#	+ 'põikk #/	+ 'kauss #/	
—R	+ 'põikkle #/	+ 'kaussjas #/	
—K*	+ 'piikkse #/	+ 'vaisst #/	
(C)VR—	+ 'tõrkku #/	+ 'varssa #/	
—#	+ 'tõrkk #/	+ 'varss #/	
—R	+ 'tõrkkjas #/	+ 'marsslane #/	
—K*	+ 'tõrkkesus #/	+ 'kirsstu #/	

* В слитном слове *ainurakne*.

Примечание: Некоторые примеры взяты из малого орфографического словаря (E. Muuk, Väike õigekeelsus-sõnaraamat, Tartu, 1946).

Ниже предполагается, что в словах 63-го (*jutt*) и 74-го (*paks*) типов словоизменения по орфографическому словарю (*Õigekeelsuse sõnaraamat*, Tallinn 1960 [= OS]) оптимальным правилом чередования степеней долготы как морфологического процесса является пропуск фонемы-показателя третьей степени формы партитива (/ / партитива → ∅ в форме генитива), а в 68-м (*kinp*) типе словоизменения оптимальным процессом чередования степеней долготы является замена взрывной геминаты или сибиллянта-геминаты в третьей степени (в форме партитива) одиночным согласным без фонемы-показателя третьей степени долготы:

/ (C) V_R V_K *K_i *V / → / (C) V_R K *V /. Такое толкование согласуется как с интуицией, так и с концепциями традиционной грамматики. Транскрипция М. Хинта подходит для описания морфологии таких слов с чередованием степеней долготы, в которых третья степень в форме партитива связана или со сверхдолгим гласным, или дифтонгом, или геминатой, следующими за коротким ядром слога (табл. 2).

Таблица 2

Базовая форма, партитив ед. ч.	Номинатив ед. ч. /V #/ → /#/	Генитив ед. ч. /+'/ → /+/'
Слова 74-го типа		
+ 'kaalu #/	+ 'kaal #/	+ 'kaalu #/
+ 'laulu #/	+ 'laul #/	+ 'laulu #/
+ 'mässu #/	+ 'mäss #/	+ 'mässu #/
+ 'sammu #/	+ 'samm #/	+ 'sammu #/
Слова 63-го типа		
+ 'rakku #/	+ 'rakk #/	+ 'rakku #/

¹⁰ M. Hint, Murrakute foneetiliste ja fonoloogiliste süsteemide kirjeldamisest. — ESA 11 1965, стр. 113—156. Транскрипционная схема М. Хинта по существу близка фонологической транскрипции, использованной И. Лехисте; см. I. Lehiste, Segmental and Syllabic Quantity in Estonian. — American Studies in Uralic Linguistics (= Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 1), Bloomington 1960, стр. 21—82.

При описании чередования степеней долготы в словах с сочетанием различных согласных в конце основы такая транскрипция вносит дополнительную альтернативу $/-C_1C_1-/ \rightarrow /-C_1-/$, что разделяет целостный морфологический тип словоизменения на два, т. е. морфологическое чередование $/-C_1C_1-/ \rightarrow /-C_1-/$ не свойственно морфологическому типу словоизменения, в отношении морфологии оно — транскрипцией обусловленное внешнее морфологическое чередование. Последнее объединяет слова 74-го типа с сочетанием согласных в конце основы со словами 68-го типа словоизменения, отличающимися морфологически от слов 74-го типа. Тем самым и 74-й тип разделяется на два (табл. 2 и 3).

Таблица 3

Базовая форма, партитив ед. ч.	Номинатив ед. ч. $/-V \# / \rightarrow / \# /$	Генитив ед. ч. $/+ / \rightarrow /+ /$ $/-C_1C_1-/ \rightarrow /-C_1-/$
Слова 74-го типа		
$/+ \text{'rakksu} \# /$	$/+ \text{'rakks} \# /$	$/+ \text{'raksu} \# /$
$/+ \text{'piikksu} \# /$	$/+ \text{'piikks} \# /$	$/+ \text{'piiksu} \# /$
$/+ \text{'korttsu} \# /$	$/+ \text{'kortts} \# /$	$/+ \text{'kortsu} \# /$
$/+ \text{'kassvu} \# /$	$/+ \text{'kassv} \# /$	$/+ \text{'kasvu} \# /$
$/+ \text{'vaisstu} \# /$	$/+ \text{'vaisst} \# /$	$/+ \text{'vaistu} \# /$
$/+ \text{'kirsstu} \# /$	$/+ \text{'kirsst} \# /$	$/+ \text{'kirstu} \# /$
$/+ \text{'parrinu} \# /$	$/+ \text{'parrm} \# /$	$/+ \text{'parmu} \# /$
Слова 68-го типа		
$/+ \text{'põikku} \# /$	$/+ \text{'põikk} \# /$	$/+ \text{'põiku} \# /$
$/+ \text{'iõrkkku} \# /$	$/+ \text{'iõrkk} \# /$	$/+ \text{'iõrku} \# /$
$/+ \text{'kaissu} \# /$	$/+ \text{'kaiss} \# /$	$/+ \text{'kaisu} \# /$
$/+ \text{'torssu} \# /$	$/+ \text{'torss} \# /$	$/+ \text{'torsu} \# /$

Таким образом, эта схема транскрипции не пригодна для описания изменения слов с чередованием степеней долготы. Но она пригодна для описания морфологии слов без чередования ступеней, например в подтипе 11-го (*tähtis*) типа словоизменения по данной схеме транскрипции легко определить важнейший морфологический процесс слов без чередования ступеней, т. е. показать образование генитива единственного числа от номинатива единственного числа (табл. 4).

Таблица 4

Базовая форма, номинатив ед. ч.	Генитив ед. ч. $/-Vs \# / \rightarrow /-sa \# /$
$/+ \text{'kuulus} \# /$	$/+ \text{'kuulsa} \# /$
$/+ \text{'sootus} \# /$	$/+ \text{'sootsa} \# /$
$/+ \text{'hirmus} \# /$	$/+ \text{'hirmsa} \# /$
$/+ \text{'tähhitis} \# /$	$/+ \text{'tähhitsa} \# /$
$/+ \text{'hõlppus} \# /$	$/+ \text{'hõlppsa} \# /$
$/+ \text{'täppis} \# /$	$/+ \text{'täppsa} \# /$

Эту транскрипцию наиболее целесообразно использовать при описании образования слов: в случае номинативного производства в этой транскрипции следует к форме номинатива добавить словообразовательные суффиксы, и никаких морфофонологических модификаций, обусловленных транскрипцией, не будет. Вот примеры по деривации с номинативным присоединением: $/+ \text{'rakk} \# /$ добавить $/-ne \# / \rightarrow$

→ /(+ ainu) & 'rakkne #/ (& обозначает начало второго компонента сложного слова и связанные с этим фонологические явления: второстепенное словесное ударение и возможную особую длительность начального согласного во втором компоненте сложного слова);

/+ 'mäss #/	прибавить	/-lema #/	→	/+ 'mässlema #/
/+ 'põikk #/	„	/-lema #/	→	/+ 'põikklema #/
/+ 'põikk #/	„	/-sus #/	→	/+ 'põikksus #/
/+ 'tõrkk #/	„	/-jas #/	→	/+ 'tõrkkjas #/
/+ 'tõrkk #/	„	/-sus #/	→	/+ 'tõrkksus #/

При описании изменения производных слов без чередования ступеней в этой транскрипции алломорфа основы также сохраняется без видоизменений: номинатив /(+ ainu) & 'rakkne #/, генитив /(+ ainu) & 'rakkse #/ и т. д.

2.2. Фонологическую транскрипцию, основанную на концепции третьей степени сочетания согласных как целого, использовали среди других Т.-Р. Вийтсо и Р. Т. Хармс.¹¹

Таблица 5

Фонологическое окружение	Взрывные	Сибиллянты и /h/	Звонкие согласные	
(C)V—	—V	/+ 'rakku #/	/+ 'mässu #/	/+ 'sammu #/
	—#	/+ 'rakk #/	/+ 'mäss #/	/+ 'samm #/
	—R	/+ 'rakkne #/	/+ 'kasvu #/	/+ 'parmu #/
	—K*	/+ 'rakkse #/	/+ 'käsku #/	/+ 'varsi #/
(C)VV—	—V	/+ 'põikku #/	/+ 'kaussi #/	
	—#	/+ 'põikk #/	/+ 'kauss #/	
	—R	/+ 'põikkle #/	/+ 'kaussjas #/	
	—K*	/+ 'piikkse #/	/+ 'vaistu #/	
(C)VR—	—V	/+ 'tõrkku #/	/+ 'varssa #/	
	—#	/+ 'tõrkk #/	/+ 'varss #/	
	—R	/+ 'tõrkkjas #/	/+ 'marsslane #/	
	—K*	/+ 'tõrkkus #/	/+ 'kirstu #/	

Примечание: Выделенные части таблицы указывают на отличия от схемы М. Хинта.

Т.-Р. Вийтсо, использовавший свою фонологическую транскрипцию при описании изменения слов с чередованием ступеней, фонемизирует сочетания согласных [R₁R₂], [R₁K*], [SR] (после короткого ядра слога) и [SK] не так, как М. Хинт (табл. 5). (Поскольку в транскрипции Т.-Р. Вийтсо месторасположение фонемы-показателя третьей степени также автоматически определимо, то эта фонема-показатель в нашей схеме и транскрибированных примерах выписывается для унифицирования перед словом, хотя сам Т.-Р. Вийтсо пишет фонему-показатель третьей степени над первым интенсивным согласным всей последовательности согласных фонем: /ükks/, /kärssa/, /varsi/).

¹¹ T.-R. Viitso, Tüvelisest astmevaheldusest (eriti eesti keeles). — ESA VIII 1962, стр. 44—61; R. T. Harms, Estonian Grammar (= Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 12). Bloomington—The Hague 1962.

Так как Т.-Р. Вийтсо транскрибирует первый взрывной двумя фонемами в сочетаниях согласных также в словоформах второй степени долготы (что обосновано только дефинированием), такая транскрипция при описании словоизменения слов с чередованием степеней долготы вполне приемлема: различие третьей и второй степеней долготы в случае слов 63-го и 74-го типов может быть обозначено наличием или отсутствием фонемы-показателя третьей степени (табл. 6).

Таблица 6

Базовая форма, партитив ед. ч.	Номинатив ед. ч. /V#/#/ → /#/#/	Генитив ед. ч. /+'#/#/ → /+'#/#/
Слова 63-го и 74-го типов		
/+'kaalu #/	/+'kaal #/	/+'kaalu #/
/+'laulu #/	/+'laul #/	/+'laulu #/
/+'mässu #/	/+'mäss #/	/+'mässu #/
/+'sammu #/	/+'samm #/	/+'sammu #/
/+'rakku #/	/+'rakk #/	/+'rakku #/
/+'rakksu #/	/+'rakks #/	/+'rakksu #/
/+'piikksu #/	/+'piikks #/	/+'piikksu #/
/+'korttsu #/	/+'kortts #/	/+'korttsu #/
/+'kasvu #/	/+'kasv #/	/+'kasvu #/
/+'vaistu #/	/+'vaist #/	/+'vaistu #/
/+'kirstu #/	/+'kirst #/	/+'kirstu #/
/+'parmu #/	/+'parm #/	/+'parmu #/

И в словах 68-го типа образование генитива от партитива естественно (табл. 7).

Таблица 7

Базовая форма, партитив ед. ч.	Номинатив ед. ч. /V#/#/ → /#/#/	Генитив ед. ч. /+'#/#/ → /+'#/#/ /·K ₁ *K ₁ *·/ → /·K ₁ *·/
Слова 68-го типа		
/+'pöikku #/	/+'pöikk #/	/+'pöiku #/
/+'törkku #/	/+'törkk #/	/+'törku #/
/+'kaissu #/	/+'kaiss #/	/+'kaisu #/
/+'torssu #/	/+'torss #/	/+'torsu #/

В этой транскрипции описание изменения слов без чередования ступеней, относящихся к рассмотренному выше II-му типу словоизменения (по ÖS), похоже на приведенное по поводу транскрипции М. Хинта, изменяется только фонологическая транскрипция некоторых слов: номинатив /+'hirmus #/, генитив /+'hirmsa #/; номинатив /+'tähtis #/, генитив /+'tähtsa #/.

При описании номинативного присоединения словопроизводных суффиксов эта транскрипция требует создания специального правила: перед согласным производного суффикса конец основы /·R₁R₁ #/ после короткого ядра слога дает /·R·/ и при тех же условиях /·S₁S₁ #/ дает /·S·/: /+'samm #/ прибавить /·lema #/ → /+'samlema #/, /+'mäss #/ прибавить /·lema #/ → /+'mässlema #/. В случае основы со взрывным окончанием или окончанием /·K₁*K₁*·/ после долгого ядра слога добавить производный суффикс нетрудно:

/+'rakk #/ прибавить /·ne #/ → /(+ainu) & 'rakkne #/
 /+'pöikk #/ „ /·lema #/ → /+'pöikklema #/
 /+'törkk #/ „ /·sus #/ → /+'törkksus #/

Итак, при описании некоторых типов словообразования с присоединением суффиксов к форме номинатива эта транскрипция вносит дополнительное морфофонологическое правило.

2.3. Р. Т. Хармс использовал фонологическую транскрипцию, при которой в сочетаниях согласных [R₁R₂] (/+ta[ʋ]/), [RK*] (/+kõrs/), [KS] (/+tekst/, /+rämps/) всегда и в сочетаниях [ŠK] (/+lašma #/) и [ŠR] (/+kåšn/) после короткого ядра слога интенсивный согласный передается одиночным символом; так же записывается и одиночный звонкий интенсивный согласный конца слова и [h] после краткого подударного гласного. При этом Р. Т. Хармс ясно выразил основное требование фонологической транскрипции, вытекающее из приписывания явления третьей степени к звукосочетанию (а не к одному звуку): если дана последовательность сегментных фонем, то в каждом случае должна иметься возможность автоматически показывать, к какой фонеме присоединяется сверхсегментная фонема-показатель третьей степени.¹² Поскольку Р. Т. Хармс, исходя из этого, не пишет фонему-показатель третьей степени (у него она называется ударением — *postposed stress*) над сегментной фонемой, являющейся на самом деле интенсивной, то транскрипция его частично неадекватна, так как в ней утрачиваются фонологические контрасты:

[lioze] — [pikse]
[rauidze] — [lauʋsil]
[koirdze] — [kortse]
[arçzus] — [tõrkšus]
[aĩdzin] — [kaĩtsi]

и т. д.

Из примеров транскрипции Р. Т. Хармса типа /+aĩtšin/ не ясно, произносятся ли [aĩdzin] или [aĩtsin].

В табл. 8 транскрипция Р. Т. Хармса приводится в исправленном виде, при котором [K] в сочетании согласных [KS] после долгого ядра слога пишется двойным знаком. Для унифицирования фонема-показатель третьей степени также пишется всегда перед словом.

Таблица 8

Фонологическое окружение	Взрывные	Сибиллянты	Звонкие согласные и [h]
—V	/+ˈrakku #/	/+ˈmässu #/	/+ˈsammu #/
(C)V—	/+ˈrakk #/	/+ˈmäss #/	/+ˈsam #/
—R	/+ˈrakkne #/	/+ˈkasvu #/	/+ˈparmu #/
—K*	/+ˈrakke #/	/+ˈkäsku #/	/+ˈvarsi #/
(C)VV—	/+ˈpõikku #/	/+ˈkaussi #/	
—#	/+ˈpõikk #/	/+ˈkauss #/	
—R	/+ˈpõikkle #/	/+ˈkaussjas #/	
—K*	/+ˈpiikkse #/	/+ˈvaistu #/	
(C)VR—	/+ˈtõrkku #/	/+ˈvarssa #/	
—#	/+ˈtõrkk #/	/+ˈvarss #/	
—R	/+ˈtõrkkjas #/	/+ˈmarsslane #/	
—K*	/+ˈtõrkksus #/	/+ˈkirstu #/	

¹² R. T. Harms, *Estonian Grammar*, стр. 12.

Самый главный недостаток транскрипции Р. Т. Хармса при описании морфологии слов с чередованием степеней долготы — это то, что она совершенно необоснованно разбивает 74-й тип словоизменения на две подгруппы, включая в одну узкую подгруппу слова, которые в номинативе оканчиваются звонким согласным третьей степени долготы или на [h], а в партитиве содержат геминату третьей степени долготы (табл. 9).

Таблица 9

Базовая форма, партитив ед. ч.	Номинатив ед. ч.		Генитив ед. ч. /+' / → /+' /
	1. /-V# / → /# /	2. /-R ₁ R ₁ # / → /-R ₁ # /	
/+'sammu # /	/+'sam # /		/+'sammu # /

Остальные слова 74-го типа представлены в табл. 10.

Таблица 10

Базовая форма, партитив ед. ч.	Номинатив ед. ч.		Генитив ед. ч. /+' / → /+' /
	/-V# / → /# /		
/+'kaalu # /	/+'kaal # /		/+'kaalu # /
/+'laulu # /	/+'laul # /		/+'laulu # /
/+'rakku # /	/+'rakk # /		/+'rakku # /
/+'mässu # /	/+'mäss # /		/+'mässu # /
/+'raksu # /	/+'raks # /		/+'raksu # /
/+'kasvu # /	/+'kasv # /		/+'kasvu # /
/+'vaistu # /	/+'vaist # /		/+'vaistu # /
/+'kirstu # /	/+'kirst # /		/+'kirstu # /
/+'parmu # /	/+'parm # /		/+'parmu # /

Подгруппа слов без чередования ступеней по 11-му типу также разбивается на две части, если пользоваться этой транскрипцией (табл. 11 и 12).

Таблица 11

Базовая форма, номинатив ед. ч.	Генитив ед. ч. /-Vs # / → /-sa # /
/+'kuulus # /	/+'kuulsa # /
/+'sootus # /	/+'sootsa # /
/+'hirmus # /	/+'hirmsa # /
/+'tähtis # /	/+'tähtsa # /
/+'hõlppus # /	/+'hõlppsa # /

Таблица 12

Базовая форма, номинатив ед. ч.	Генитив ед. ч.	
	1. /-Vs # / → /-sa # /	2. /-K ₁ K ₁ s- / → /-K ₁ s- /
/+'täppis # /		/+'täpsa # /
/+'hõlppus # /		/+'hõlpsa # /

и в ошибочной транскрипции Хармса

Описание номинативного присоединения словообразовательных суффиксов также не очень удобно, ср. /+'mäss # /, но /+'mäselema # /; при ошибочной транскрипции Р. Т. Хармса и в типах /+'põikk # / и

/+`tõrkk #/ получение дериватов связано с применением морфофонологических правил, обусловленных транскрипцией:

/+`põikk #/ и /+`põikklema #/, но /+`põiksus #/
 /+`tõrkk #/ и /+`tõrkkjas #/, но /+`tõrksus #/

Специальные морфофонологические правила приходится применять также и при описании изменения слов-дериватов некоторых типов, если пользоваться транскрипцией Р. Т. Хармса, ср., напр., /+`ainu &`rakkne #/, но /+`ainu &`rakse #/.

2.4. В. Халлап предлагает транскрипцию, основанную на концепции третьей степени сочетания согласных, в которой интенсивный согласный пишется двойным только в конце слова или в слўчае фонетической геминаты, но никогда не перед согласным. Такая модификация фонологической транскрипции, весьма близкая фонетической транскрипции, учитывает прежде всего естественность описания морфологии слов с чередованием степеней долготы.¹³ (В этой транскрипции в общем утрачивается возможность автоматически определить, с какой сегментной фонемой в последовательности фонем соединяется фонема-показатель третьей степени. Так, в этой транскрипции имеется противоречие между транскрипцией и ее дефиницией: ведь последняя постулирует исход из концепции третьей степени сочетания согласных, а не из третьей степени конкретного одиночного согласного, но в транскрипции конкретный согласный отмечается фонемой-показателем третьей степени).

Таблица 13

Фонологическое окружение	Взрывные	Сибиллянты и /h/	Звонкие согласные	
(C)V—	—V	/+`rakku #/	/+`mässu #/	/+`sa`mmu #/
	—#	/+`rakk #/	/+`mäss #/	/+`sa`mm #/
	—R	/+`rakkne #/	/+`käs`vu #/	/+`pa`rmu #/
	—K*	/+`rakse #/	/+`käs`ku #/	/+`va`rsi #/
(C)VV—	—V	/+`põikku #/	/+`kau`ssi #/	
	—#	/+`põikk #/	/+`kau`ss #/	
	—R	/+`põiklema #/	/+`kau`šjas #/	
	—K*	/+`piikse #/	/+`vai`stu #/	
(C)VR—	—V	/+`tõrkkku #/	/+`var`ssa #/	
	—#	/+`tõrkk #/	/+`var`ss #/	
	—R	/+`tõrkkjas #/	/+`mar`slane #/	
	—K*	/+`tõrksus #/	/+`kir`tu #/	

Транскрипция В. Халлапа (см. табл. 13) превосходна для описания изменения слов с чередованием степеней долготы.

Слова 63-го и 74-го типов помещены в табл. 14, а 68-го типа — в табл. 15.

Наоборот, эта транскрипция столь же мало пригодна для описания морфологии слов без чередования ступеней, как и ошибочная транскрипция Р. Т. Хармса.

При образовании дериватов, получаемых путем номинативного присоединения суффиксов, эта транскрипция вводит общее морфофоноло-

¹³ V. Hallap, *Fonoloogiline etüüd eesti keele vāldete alalt*, стр. 100, 109, 111—113, 117.

Таблица 14

Базовая форма, партитив ед. ч.	Номинатив ед. ч. /V #/ → /#/	Генитив ед. ч. / / → ∅
/+kaälu #/	/+kaäl #/	/+kaalu #/
/+laülu #/	/+laül #/	/+laulu #/
/+rakku #/	/+rakk #/	/+rakku #/
/+mässu #/	/+mäss #/	/+mässu #/
/+sañmu #/	/+sañm #/	/+sammu #/
/+räksu #/	/+räks #/	/+räksu #/
/+piüksu #/	/+piüks #/	/+piüksu #/
/+kõrsu #/	/+kõrs #/	/+kõrsu #/
/+kašvu #/	/+kašv #/	/+kasvu #/
/+vaištu #/	/+vaišt #/	/+vaistu #/
/+kirštu #/	/+kiršt #/	/+kirstu #/
/+parmu #/	/+parñ #/	/+parmu #/

Таблица 15

Базовая форма, партитив ед. ч.	Номинатив ед. ч. /V #/ → /#/	Генитив ед. ч. /K ₁ *K ₁ *-/ → /K ₁ *-/
/+põikku #/	/+põikk #/	/+põiku #/
/+tõrkkku #/	/+tõrkk #/	/+tõrku #/
/+kaišsu #/	/+kaišs #/	/+kaisu #/
/+toršsu #/	/+toršs #/	/+torsu #/

гическое правило, которое образует перед производными суффиксами, начинающимися согласным, новые алломорфы основы во всех случаях, когда основа оканчивается двойным согласным /-Ĉ₁C₁ #/: /-Ĉ₁C₁ #/ → /-Ĉ₁-. Например: /+rakk #/, но /+ainu & rakne #/, /+mäšs #/, но /+mäšlema #/, /+maršs #/, но /+maršlane #/, /+põikk #/, но /+põiklema #/ или /+põiksus #/, /+tõrkk #/, но /+tõrkjas #/ или /+tõrksus #/ и т. д. Даже при описании произведенных таким образом слов могут возникнуть новые морфофонологические правила, обусловленные транскрипцией, ср. /+mäšlema #/, но /+mässelta #/, где пропуск фонемы-показателя третьей степени может сопровождаться еще и чередованием алломорфов основы /+mäš-/ → /+mäss-/.

3. Третья степень долготы, а также чередование третьей и второй степеней играют важную роль в столь различных морфологических типах словоизменения и словообразования, что нет надежды найти такую фонологическую транскрипцию, на базе которой можно было бы описать все подсистемы морфологии так, чтобы не было необходимости создавать морфофонологические правила, которые в отношении этих морфологических подсистем были бы внешними, так как они обусловлены транскрипцией.

Однако, есть возможность сконструировать морфофонологическую транскрипцию, состоящую из комплекта фонологических транскрипций. При ее использовании морфофонологические правила, обусловленные транскрип-

цией, были бы элиминированы: для описания морфологического изменения или производства слов в отдельных подсистемах в таком случае каждый раз может быть употреблен наиболее подходящий способ фонологического транскрибирования третьей степени долготы.

Такая морфофонологическая транскрипция при помощи автоматических фонологических правил модифицируется в любую фонологическую транскрипцию. Эти автоматические правила переписывания являются внешними морфофонологическими правилами, которые указывают на различие морфофонологической и фонологической транскрипций. И все-таки, в морфофонологии останутся автоматические морфофонологические правила, но они будут связаны с конкретными морфологическими изменениями, а не с транскрипцией описания морфологии. Примером может служить правило изменения гласных (табл. 16).

Таблица 16

V ₁ \ V ₂	a	u	i
a		ao	
õ		õo	
u	oa	oo	oe
i	ea	eo	
ü			üe

Это правило применяется в словах с качественным чередованием согласных в случае выпадения взрывных или /s/ в слабой ступени (табл. 17).

Таблица 17

Базовая форма, номинатив или партитив ед. ч.	Генитив ед. ч. /k t p s/ → ∅ /+(C) (C)V-V/
/+katu #/	/+kao #/
/+nõku #/	/+nõo #/
/+upa #/	/+oa #/
/+luku #/	/+loo #/
/+susi #/	/+soe #/
/+sika #/	/+sea #/
/+pitu #/	/+peo #/
/+lüsi #/	/+lõe #/

Целесообразность сконструированной таким образом морфофонологической транскрипции для описания морфологии эстонского языка подтверждается и анализом различных возможностей фонологической транскрипции другой проблемы фонологии эстонского языка, которая до сих пор решается различно, а именно, возможностью фонологически по-разному толковать встречающиеся в окружении /i—V/ (или /i̯—V/) сегмент [j], а также в окружении /u—V/ (или /ü—V/) сегмент [w] — в словах [laijä], [laija], [laiwä], [eiwe] и т. д. (имеются противоположные решения Т.-Р. Вийтсо, В. Халлапа, М. Хинта¹⁴).

Предлагаемый способ конструирования морфофонологической транскрипции не противоречит ни классической трактовке морфофонологии, ни понятию морфофонемы.

По-видимому, количественные противопоставления, основанные на возможности трех степеней фонологической долготы, функционируют в различных подсистемах морфологии по-разному.

¹⁴ См. V. Hallap, Poleemilist, julget, kapitaalset, sekka ka vähem meeldivat. — КК 1965, стр. 54—56.

MATI HINT (Tallinn)

THE CREATION OF A MORPHOPHONOLOGICAL TRANSCRIPTION DESIGNED FOR THE APPROPRIATE DESCRIPTION OF ESTONIAN MORPHOLOGY

0. The possibility of using several variants of phonological transcription in describing Estonian morphology is considered. In this case every inflectional type of declination, conjugation and derivation will be described on the basis of such a phonological transcription that is best suited for the description of the given type and which makes it possible to eliminate from the description all external morphophonological rules that may be caused by the transcription. The set of phonological transcriptions employed in the description of morphology constitutes the morphophonological transcription. It is possible to modify such a morphophonological transcription (and any phonological transcription used as part of this morphophonological transcription) into every possible phonological transcription by means of automatic phonological rules. In doing so the phonological rules employed indicate the difference between the morphophonological transcription (as a set of phonological transcriptions) and a concrete phonological transcription; at the same time these rules represent the external morphophonology.

1. There are several different and well-substantiated possibilities in the interpretation and phonological transcription of phonological contrasts of quantity in Estonian (particularly in the domain of consonantism). The assumption of the overlength (the third phonological degree of quantity) of a single consonant (M. Hint) v. the assumption of the overlength of a consonant cluster (T.-R. Viitso, R. T. Harms, V. Hallap) are the two different theoretical foundations which have given rise to different phonological solutions and different phonological transcriptions.

2. A comparison of the different variants of the phonological transcription of Estonian (the transcriptions of M. Hint, T.-R. Viitso, R. T. Harms and V. Hallap) as regards their appropriateness for the most simple morphological description of different inflectional patterns of declination and derivation in Estonian reveals that none of these variants renders possible a natural and simple description of all the different types of declination and derivation in Estonian morphology — the use of any concrete phonological transcription involves the introduction of some such morphophonological rules into the description of some morphological pattern that are due to the transcription and hence belong to external morphophonology. At the same time one of these phonological transcriptions (or some potential phonological transcription) may be well suited for the description of a given morphological pattern (in terms of *item and process* grammar): the resulting description, which contains no morphophonological rules entailed by the transcription used (or which contains fewer of them than when another phonological transcription is used as the basis of the given morphological description), satisfies intuition and is in accordance with tradition.

3. The analysis shows that for the morphological description of Estonian it is convenient to construct a simple morphophonological transcription in the form of a set of phonological transcriptions. This is all the more expedient because in addition to the problem of phonological quantity there are some other problems in Estonian phonology, which are capable of being variously solved, and all phonological transcriptions resulting from these different solutions are not equally suitable for the description of all morphological patterns (although some of them are suitable for the description of some morphological patterns).

It seems plausible that quantity functions differently in different subsystems of morphology.

paali paali they kiss'

1. Gy. Uécsy, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden 1955, p. 104.

2. B. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm 1961, p. 244.

3. Д. В. Бубрих, Историческая грамматика финского языка, Саранск 1951.

4. В. А. Сербинский, Основы финно-угорской филологии в уральской системе в уральской филологии, Москва 1964, p. 137. В. А. Сербинский, Историческая грамматика финского языка, Саранск 1951, pp. 99-100. В. А. Сербинский, Zu den Uralischen morphologischen Verbalformen von Formen der objektiven Konjugation im Moravischen — Uralica 17, Helsinki 1950, pp. 10-11.

5. H. Rekonen, Morphologische Studien, MAFS XXII, Helsinki 1963.

6. For the sake of the uniformity and clarity of the text, the material is presented in a phonological transcription that is based on the Latin alphabet.